

Александр Калужский

Девять пьес одного года

На речке

Ивану

Тормошит меня ни свет ни заря;
шепчет на ухо: «Вставай поскорей!» —
и уводит со двора втихаря
на Подкаменку таскать пескарей.

В мокрых зарослях заброшенный тракт;
за кедровником — сворот с большака;
там в распадке, словно мутный смарагд,
тусклым светом истекает река.

В той реке брожу, закинув уду,
с переката на другой перекат;
и как будто разговоры веду... —
только где он, мой попутчик, мой брат?

«Где ты, Ваня, отзовись, два вихря!» —
Пусто место, сколько взглядом ни шарь...
Пробирает до слезы шивера;
не берет мою наживу пескарь.

31 января 2012

Затворник

— «Затворник бурый», «скрыпник долголапый»
зывается он, твой постоялец тайный,
свой хищный шелк сучащий тихой сапой
между каморкой платяной и спальней...
— Запомни: он посланник тьмы! — у дверки
брось конский волос да кружок латуни... —
шептала ворожея в Альбукерке
про дом, куда я въехал накануне,

Александр Калужский (1958) — поэт, переводчик. Родился на Чукотке, жил и работал в Свердловске. Сейчас живет на юге Калифорнии.

за сотни миль от местного меркадо,
ажурных кровель в мавританском стиле,
от этих плит саманных, чья прохлада
пугливей немигающих рептилий.
— Представишься и, не снижая голос,
промолвишь оберег трикраты, без ошибки;
после чего он примет конский волос
и дом оставит — для заплечной скрипки
смычок искать отправится в потемки...
Латунь же спрячешь в место поукромней...

— Вон видишь «пряжу» на своей котомке? —
Такую только смерть сучит — попомни!
.....

А в доме — память затевает прятки,
и я хожу как дух, едва ступая:
то здесь, то там висят седые прядки —
углы тесовые... судьба слепая!..

28 февраля 2012

Щегол

Нервы ... или водорослей йод? —
будоражит, будто перед бурей;
сумерки падут, взойдет Меркурий;
тут и вспомнишь: брат совсем сдает..

То ли светом пронизало вдруг,
колющим, как хвоя здешних торий;
то ли сердце распознало в хоре
голосов... знакомый с детства звук?..

«Помнишь, за околицей щеглы
отжигали над полынью пыльной?..» —
взглядом спросит верховой посыльный;
лишь кивнешь в ответ с конца иглы.

Стынут за спиной отпускники,
оставляют замки из песка, и
только память все не отпускает:
ты — на местном — *under lock and key*.

Жги за прутьями, щегол борзой,
как тогда над Синими Камнями,
за чужими синими морями
заливайся певчею слезой!

22 апреля 2012

Княжна

Щиплет легкий мороз поутру;
сыплет золкой древесною дым
и уносится на Ангару
с Колорадо; и я — вслед за ним.

А в Иркутском остроге — апрель;
и сверкает, как из-под резца,
благородной лазурью шпинель
неоглядных чертогов творца.

А на шумном подворье княжна
в епанче из густых соболей;
скинет жаркую шубу она,
станет белого света белей.

Заструятся в ладонях шелка;
позабудутся брашна и мед —
у княжны за спиною река
заходящее солнце несет...

И дробится оно наугад
по волнам, будто сердце мое...
Не к добру я заснул на закат!.. —
да и чту мне добро без нее!

21 мая 2012

Калифорнийские пожары

Ночью гостиничный воздух заткан угарною тьмой;
на горизонте кварталы тлеют, как угли в камине.
Если рвануть в допожарный вечер (два дня по прямой),
сыщешь родные хоромы, коих уж нет и в помине;

включишь там старую лампу,ставишь портреты в альбом,
где обитают под флёром их черно-белые предки;
выйдешь во двор — Санта-Анна, пыль поднимаемая столбом,
мечется по околотку, словно шальная из клетки;

только стемнеет, увидишь: в балке зажгли факела
под изводящие душу стоны и вой бесноватой...
Утром в отеле доложат: весь переулок дотла...
Ну а к исходу недели, лишь примиришься с утратой,

в городе снимут кордоны; тысячи вспыхнувших фар
поволокуются по трассе: *цело ли там их жилище?..*
Ну же, щипли себя крепче: минул гремучий пожар —
твой это! неопалимый! выстоял на пепелище!

.....

То ли неловкость удачи давит порухи среди,
то ли, оплавав утраты, сердце вчистую ослепло:
что ни возьмешь — замирает, жжет нестерпимо в груди —
будто не вещь на ладони, будто лишь пригоршня пепла.

11 июля 2012 г.

Кауаи

Волны мелют породу— все мельче прибрежный песок...
— Он уйдет молодым, этот остров... — сказал мне геолог,
потирая спаленный тропическим солнцем висок.
— Век вулкановых отпрысков в здешних широтах недолог.

Позже ночью я тщетно пытался представить уход
этих круч изумрудных и кряжей, чьи острые складки
боронят испаренья диковинных горных болот,
с их фисташковым пологом на красно-бурой подкладке.

А прибой продолжал ворошить вековое зерно,
громыхать меж утесами окаменевшей пшеницей...
И так трудно мне было в ту ночь, что хоть камнем на дно,
лишь бы перемолоть ее — тяжесть под левой ключицей...

Небо чуть побледнело, чтоб с новой силою гнесть
на ликующем острове позаплутавшую душу;
будто все, что утратил, слилось в беспощадную весть
и разило наотмашь, как волны, дробившие сушу.

25 августа 2012 г.

Пойди пойми: совсем другой табак,
и воздух здесь не северный, прогретый,
а смачный дым от первой натошак,

казалось, исходил от сигареты,
которую, добыв с большим трудом
безлюдным утром пасмурного лета,

ты целовал двадцатилетним ртом,
пуская дым, приправленный вином
за то, что все-таки оставил дом,

с его диван-кроватью раздвижную,
с его застолями до хрипоты,
прыжками на Парнас и в паранойю —

со всем, что уж навряд ли вспомнишь ты,
на три десятка вспять перелетая;
а впереди — петляют сквозь кусты

овраг рябой да пойма холостая.

1 ноября 2012 г.

На краю света

В городе ангелов стыннут волокна тумана,
будто присутствуешь при появлении на свет
тверди, восставшей из мутных глубин океана, —
зыбкого берега, коему имени нет;

будто в преддверии стужи умолкла округа,
жестом незримым стянув на себя облака, —
здесь, у холодной воды, в ожиданье друг друга
мы просыпались от жалобных стонов гудка...

Плотный туман превращает черты в очертанья;
свет истекает, и память плурует во мгле:

— *Где же мы есть, если что ни причал — расставанье?
Как мы приплыли сюда? На каком корабле?..*
— *Чьи это тени проносятся, неразличимы,
вдоль безымянного берега тянут свой звук?..*

В городе ангелов плачут зимой херувимы —
больно печальны слова человеческих разлук.

21 декабря 2012 г.

Герань

Оставлял ее в густую рань,
закрывал калитку за собой;
терпкий аромат ее — герань —
воровал небритою губой...

В стужу по льду, летом по мосткам —
словно мошкара на свет лампад —
пробивался к белым лепесткам,
собирал их терпкий аромат.

А за стенкой — слободская брань;
а в портфеле — на плацкарту бронь...
— *Эх, цвети-ети твою герань!*
— *Ох, реви-рыдай, моя гармонь!*

24 декабря 2012 г.